

лексиконъ русский. Хлопотливо и тяжело, — а нельзя иначе при подобныхъ изслѣдованіяхъ, если не хотите нагромождать кучу произвольныхъ правилъ, которыхъ языкъ и не думалъ признавать. Васильевъ приводитъ въ своей брошюрѣ разительный примѣръ подобной произвольности, происшедшей отъ легкости въ работѣ. Гречъ говоритъ: «Если надъ буквой *е* находится удареніе и гласная (также полугласная), то она произносится какъ *йо* (т. е. какъ *ѣ*): напримѣръ, елка, твердо, дерну, блеклый, медъ. То же бываетъ, когда *е* находится въ концѣ слова: житье, сине, мое» («Практ. Русская Грамматика», 1834 г., стр. 416). Васильевъ приводитъ множество словъ въ опроверженіе этого правила: «верба, века, жертва, трапеца, горе, ложе, море, поле», и проч. Но изложеніе правилъ, открытыхъ (числомъ 12) Васильевымъ объ употребленіи буквы *ѣ*, было бы излишне въ нашей статьѣ. Наше дѣло указать хорошее, а кто хочетъ увидѣть его самъ, можетъ обратиться къ самой брошюрѣ.

Очень интересно и второе разысканіе: «Объ образованіи именъ уменьшительныхъ рода мужескаго и женскаго», — интересно, какъ по разбору мнѣній Греча и Востокова объ этомъ предметѣ, такъ и по выводамъ самого автора. Вообще брошюрка Васильева такого рода, что ни одинъ будущій составитель грамматики не обойдется безъ того, чтобы, при трудѣ своемъ, не принять ея къ свѣдѣнію, а иногда даже и не посоветоваться съ ней.

Слова на оберткѣ брошюры: «первый выпускъ» обѣщаютъ намъ продолженіе трудовъ Васильева по части разрабатыванія русской грамматики: очень рады!

Сочиненія Державина. *Біографія писана Н. А. Полевымъ. Изданіе Д. П. Штукина. Спб. 1845.*

Самое поразительное изъ отрицательныхъ достоинствъ этого изданія составляетъ приложенная къ нему статья Полевого: «Державинъ и его творенія». Это ужъ тысяча первый неудачный опытъ стараго журналиста, когда-то имѣвшаго въ русской литературѣ сильный голосъ и считавшагося отличнымъ критикомъ, удержать за собой право этого голоса и поддержать въ настоящее время идеи и взгляды, хронологически устарѣвшіе цѣлыми пятнадцатью годами, а исторически — цѣлымъ полувѣкомъ. Но хуже всего въ этой статьѣ то, что ее авторъ позволилъ себѣ забыть важность предмета, о которомъ безъ оглядки принялся судить и вкривъ, и вкосъ, и въ свои отсталыя сужденія о Дер-

жавинѣ вмѣшалъ мелкую журнальную полемику, вслѣдствіе досадъ и огорченій, испытанныхъ имъ отъ успѣховъ нашего времени и отъ уроковъ, полученныхъ имъ отъ людей новаго поколѣнія. Извѣстное дѣло, что вмѣстѣ съ Булгаринымъ и нѣкоторыми другими старыми литераторами Полевой видѣть въ Гоголѣ не больше какъ безграмотнаго писаку, а въ его «Ревизорѣ» — грубый фарсъ. Положимъ такъ: всякій понимаетъ вещи, какъ можетъ и какъ умѣетъ. Почему же и Полевому не понимать Гоголя по-своему? Это вѣдь старая исторія: Карамзина молодое поколѣніе встрѣтило восторгомъ, а старое бранью; Пушкина молодое поколѣніе встрѣтило чуть не идолопоклонствомъ, а старое — ожесточенной враждой. Почему же и Гоголю не раздѣлить участи такихъ людей, какъ Карамзинъ и Пушкинъ? — это доказываетъ только его великость, какъ поэта. И почему же Полевому не смотрѣть на Гоголя по-старчески? — это доказываетъ только его отсталость отъ вѣка и близорукость, какъ критика. Но вотъ что худо: зачѣмъ мѣшать Гоголя въ біографію Державина? зачѣмъ, восхваляя Державина, бранить Гоголя?.. Это значить не кстати вмѣшивать свою личность туда, гдѣ о ней не можетъ быть рѣчи, — досаду и раздраженіе, мелочныя и ничтожныя, припѣплять къ великому имени... Это ли уваженіе и благоговѣніе къ имени Державина, которыя Полевой вмѣняетъ себѣ въ такую заслугу?.. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ на VI-й страницѣ своей злополучной статьи: «Верекинъ (директоръ Казанской гимназіи, въ которой воспитывался Державинъ) учредилъ даже театръ, ибо и самъ онъ былъ драматическій писатель, и заставлялъ хотать своими Такъ и Должно не менѣ Филатокъ и Ревизоровъ нынѣшнихъ»... Какъ! «Ревизоръ» наравнѣ съ «Филатками»? Но съ чѣмъ же послѣ этого можно сравнить «Парашу Сибигячку», «Елену Глинскую», «Черезполосныя Влатѣнія», «Федосью Сидоровну» и другія изящныя произведенія, которыми досужество Полевого обогатило сцену Александринскаго театра?.. Если «Ревизоръ» — «Филатка», то что же онѣ, эти пьесы, эти побочныя дѣти искусства, которыхъ народила досужая фантазія Полевого?..

Но не однимъ этимъ достается Гоголю: увидимъ нѣчто получше; увидимъ, что не одному Гоголю достается. Уже тысячу-тысячу разъ повторилъ Полевой, что «Пушкинъ смѣнилъ поэзію на прозу и увлекся ничтожной свѣтской жизнью»: это же повторено и въ біографіи Державина. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ Пушкинъ увлекся ничтожной свѣтской жизнью, а не увлекся великой мѣщанской жизнью? Но на Пушкина Полевой не до конца разгнѣвался: онъ говоритъ, что послѣ